

С. Б. Думов

РОЛЬ ПЕДАГОГА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В условиях сложных социальных процессов, происходящих в России на современном этапе, особенно остро встает проблема девиантного поведения несовершеннолетних. Социальные детерминанты девиантного поведения детей и подростков многочисленны, имеют различную степень воздействия и специфически группируются в каждом конкретном случае. Однако, как свидетельствует практика, очень часто в качестве “отклоняющего” фактора поведения детей и подростков выступает недостаточная готовность педагогов к работе с несовершеннолетними по профилактике девиантного поведения.

Факторы отклонений и социально-нравственной дезадаптации, действующие в принципе на всех несовершеннолетних, заставляют совершать противоправные действия только некоторых, неспособных сопротивляться их воздействию. Находясь в одинаковых, в общем, условиях, далеко не каждый ребенок и подросток совершает аморальные поступки и тем более правонарушения. Это обусловлено прежде всего особенностями ценностных ориентаций несовершеннолетнего, ситуацией развития его личности, ближайшим окружением и работой педагогов. Существует также большой спектр отклонений в моральной и коммуникативной сферах, которые менее экстремальны по форме, но требуют специального социально-педагогического подхода. К сожалению, современное высшее педагогическое образование не дает глубокой специализированной психолого-педагогической подготовки будущим педагогам для работы с данной группой несовершеннолетних. Проблема сегодня осложняется еще и тем, что органы образования нередко стараются не замечать “отклоняющие” факторы школьного воспитания. Среди педагогов бытует мнение, что задача школы в области профилактики девиантного поведения несовершеннолетних заключается только в исправлении своих ошибок. Поскольку задача поставлена таким образом, общеобразовательные учреждения оказываются в выгодном положении и ссылаются на криминологичес-

кие исследования, свидетельствующие о том, что большинство несовершеннолетних с девиантным поведением — продукт неблагополучных семей. Недостатки семейного воспитания (пьянство, скандалы, отсутствие родителей) действительно проявляются более ярко, “отклоняющие” же факторы школьного обучения и воспитания труднее уловимы. Этим объясняется во многом подтвердившийся нашим исследованием факт, что педагоги недостаточно критически относятся к неблагополучным результатам воспитания, о чем свидетельствует проведенный нами в г. Волгограде опрос педагогов, судей и инспекторов ПДН об обстоятельствах, способствующих относительно высокому уровню девиантных проявлений несовершеннолетних. Около 80 % опрошенных педагогов все причины данных проявлений связывали с семьей, и только некоторые из них указали на недостатки в воспитательной работе общеобразовательных учреждений, а 27 % — на недостатки школьного воспитания.

Проведенные нами в 2000 г. исследования в образовательных учреждениях г. Волгограда позволяют говорить о том, что девиантное поведение несовершеннолетних тесно связано с особенностью организации деятельности педагога в школе. Данное исследование было осуществлено преподавателями и студентами Волгоградского государственного педагогического университета (ВГПУ) в сотрудничестве со специалистами Университета г. Мерзебурга (Германия), между которыми сложились давние партнерские отношения, а также при участии Исследовательского института криминологии Нижней Саксонии (ИИКНС) в университете Ганновера. Следует также отметить, что в некоторых немецких городах — Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене специалисты ИИКНС провели опросы несовершеннолетних по анкетам аналогичным волгоградским. Это позволяет говорить о том, что полученные данные могут быть соотнесены друг с другом, и таким образом становится возможным сравнение опыта несовершеннолетних в России с опытом их сверстников из Германии. При этом в данном сравнении были использованы материалы, полученные в Ганновере как западно-немецком и Лейпциге как восточно-немецком городах¹.

Посредством случайного выбора из всех волгоградских школьных классов с учащимися возрастной группы 14—15 лет (около 7 500 чел.) были в конечном счете привлечены 1864 несовершеннолетних, которые могли быть опрошены (число выборочного контроля, удовлетворяющее требованию эмпирической достоверности). Из трех типов образовательных учреждений: общеобразовательная средняя школа, лицей и гимназия — было опрошено (со-

ответственно доле в общем распределении школ): 1284 (68,9 %) учащихся средних школ, 215 (11,5 %) в лицеях и 365 (19,6 %) в гимназиях. Распределение по половому признаку представлено было следующим образом: 44,6 % опрошенных составляли юноши и 55,4 % — девушки. Все несовершеннолетние были опрошены анонимно по анкете с вопросами, относящимися к различным сферам их жизни, таких как семья, домашнее окружение, друзья, школа и т. д.

Значительный интерес представляют для нас ответы несовершеннолетних на вопросы, связанные с опытом насилия, который они получили в образовательных учреждениях. Насилие здесь мы рассматриваем как феномен девиантного поведения в форме применения силы со стороны несовершеннолетних, а именно поступков с применением силы, исходящих от несовершеннолетних и часто нацеленных на несовершеннолетних в качестве жертвы. Особый фокус исследования был направлен на анализ опыта насилия, который несовершеннолетние сами имеют в школе, т. е. на вопрос, в какой мере они рассматривают школьное пространство как место насилия. Для того чтобы понять, какую значимость имеет угроза насилия в жизненном ощущении несовершеннолетних по сравнению с другими возможными угрозами, были опрошены учащиеся по поводу того, что их заботит и от чего они субъективно чувствуют себя находящимися под угрозой. В анкете несовершеннолетним предлагался перечень с пятнадцатью возможными рисками, неоднократное повторение которых они могли засвидетельствовать и от которых несовершеннолетние чувствовали себя “очень” или “более или менее” находящимися под угрозой. В результате страх стать жертвой насилия в школе или со стороны других молодых людей по рангу оказался в сравнении с другими субъективно прочувствованными угрозами на третьем месте. Это положение совпадает с результатами опроса несовершеннолетних в Германии. Тем не менее 7,7 % несовершеннолетних в России указывают, что они чувствуют себя от насилия в школе очень, а 14,6 % изрядно находящимися под угрозой, в Германии же отчетливо меньше учащихся боятся насилия в школе: 6,2 % — очень и 9,2 % изрядно. Несовершеннолетние в России (5,1 % очень, 16,7 % изрядно) в не большей степени, чем учащиеся в Германии (8,9 %, очень и 17,9 % изрядно), боятся быть ограбленными сверстниками.

Однако в ходе исследования выявилась несколько более высокая доля применения насилия в российских школах, чем в среднем в немецких. Так, 13,5 % волгоградских несовершеннолетних под-

твердили, что более одного или двух раз сталкивались с насилием в школе (в Ганновере — 10,4, в Лейпциге — 8,7). Под понятием “насилие в школе” здесь понимается массивное “поддразнивание” (не один раз в месяц). Ответы, которые относятся к опыту физического насилия, показали что еще 5,6 % волгоградских учащихся мужского пола (в Ганновере — 4,9, в Лейпциге — 2,2) и 1,6 % учащихся женского пола (в Ганновере — 0,9, в Лейпциге — 1,0) явились жертвами применения насилия со стороны одноклассников. Это свидетельствует, с одной стороны, что как в Германии, так и в России, поддразнивание (или моббинг) представляет собой самую частую форму проявления враждебного отношения со стороны одноклассников, с точки зрения учащихся. С другой стороны, становится ясно, что несовершеннолетние в России считают школу в большей степени, чем их немецкие ровесники, местом получения опыта насилия. Во всех формах насилия, с поддразниванием и без, учащиеся в России чаще, чем учащиеся в Германии, указывают, что стали жертвами актов насилия в своей школе. Как показывают полученные результаты, распределение жертв насилия по половому признаку в школах России приблизительно одинаково, как и в Германии. Как в России, так и в Германии жертвы мужского пола преобладают, что, конечно, касается не только школьного насилия, но и как такового в целом. Необходимо, однако, отметить то, что страх, связанный с насилием полового характера, намного сильнее, чем все другие формы страха стать жертвой насилия. Так, 31,4 % российских несовершеннолетних очень боятся стать жертвой сексуального насилия и 21 % — изрядно; 23,4 % немецких учащихся указывают, что чувствуют себя от этого “очень сильно под угрозой”, а 17,7 % — “изрядно находящимися под угрозой”. Вопрос об этом ставился в числовом соотношении равномерно смешанной группе, поэтому особое значение приобретает высокое число положительных ответов учащихся женского пола.

Обобщая полученные данные, можно говорить о том, что страх перед насилием (за исключением страха перед сексуальными преступлениями), по сравнению с другими рисками, не играет значительной роли как для большинства немецких, так и русских несовершеннолетних. Все же 22,3 % подростков в России (17,4 % в Германии) указывают, что чувствуют себя находящимися под угрозой насилия в школе, а 21,8 % (26,8 %) подтверждают, что боятся быть ограбленными другими несовершеннолетними. Страх стать жертвой группового насилия занимает в жизнеощущении

российского несовершеннолетнего большое место, хотя и не доминирует.

Другое отличие касается страха не получить место в образовательном учреждении или получить в школе плохие оценки. В то время как 31,6 % волгоградских учащихся признают, что чувствуют себя очень сильно и 28 % изрядно находящимися под угрозой того, что они не получают место для обучения в вузе, учащиеся в Германии рассматривают себя в меньшей степени находящимися под угрозой: 24,6 % очень и 31,3 % изрядно боятся, что не получат учебное место. Профессиональная неуверенность проявляется сильнее у несовершеннолетних в России, чем в Германии. Иначе это выглядит в отношении оценок. В то время как 12,7 % учащихся в Германии очень и 27,9 % изрядно боятся получить плохие оценки, соответственно 10,7 % и 25,1 % учащихся в России чувствуют себя находящимися под угрозой того, что получают плохие оценки. То, что страх получить плохие оценки и страх не получить учебное место имеет различные показатели в “немецко-русском” сравнении, возможно объяснить тем, что в России связь между школьными оценками, с одной стороны, и возможностями для профессионального образования, с другой, менее тесная, чем в Германии. Хорошие оценки не гарантируют хорошего профессионального будущего, относительно плохое окончание школы не означает, что не будет шанса успешного вступления в какие-нибудь этапы медленно начинающейся производственной жизни.

Для возможных педагогических выводов, которые следует сделать из результатов проведенного исследования, существенна в том числе связь, которая получается из корреляции данных. Учащимся был задан вопрос, как они оценивают реакцию учительских кадров на наблюдаемые происшествия, связанные с насилием в их школе. Те, которые отмечали преподавателей как “игнорирующих насилие”, значительно чаще указывали, что являлись жертвами насилия одноклассников, чем те, которые исходили из того, что преподаватель не игнорирует насилие, а как бы то ни было реагирует. Это касается всех форм опыта, связанного с насилием: идет ли речь о поддразнивании, избивении, вымогательстве или других разновидностях школьного насилия, во всех случаях можно было установить явную связь между ожидаемой несовершеннолетними реакцией или нереакцией преподавателя, с одной стороны, и опытом стать жертвой насилия — с другой. В среднем, несовершеннолетние, которые отмечали преподавателей как “игнорирующих насилие”, почти вдвое больше называли примеры опыта жертв, чем те, которые исходили из того, что преподаватели не

игнорируют школьное насилие. Особенно интересно, что эта связь проявляется еще устойчивее, когда исследуются высказывания правонарушителей относительно реакции преподавателя: более чем вдвое проступков названы теми несовершеннолетними, которые отмечают преподавателей в графе “учителя игнорируют насилие”.

Педагогическое значение данного признания однозначно: чем больше педагоги привлекаются к рассмотрению поступков насилия, чем меньше они смотрят в сторону, тем реже встречается насилие в школе. Конечно, имеет место и обратное: школа участвует в возникновении насилия в том отношении, когда отсутствие профессиональной реакции педагогов содействует климату насилия и во многом способствует развитию девиантного поведения несовершеннолетних.

Решение данных проблем, по нашему мнению, возможно только при организации совместной деятельности педагогов-предметников с психологами, социальными педагогами, обладающими фундаментальными знаниями о биологических, социальных и психолого-педагогических факторах, обуславливающих появление и развитие девиантного поведения несовершеннолетних. Прорыв в этой сфере возможен, в первую очередь, на путях создания целостной концепции превентивного социально-педагогического процесса, предупреждающего девиантные отклонения в поведении несовершеннолетних, направляющего позитивное развитие подростков посредством актуализации личностных механизмов социальной адаптации и саморазвития при активной поддержке педагогов, владеющих современными методами и технологиями превентивно-профилактической, коррекционной и реабилитационной деятельности с несовершеннолетними.

---

¹ Erster Periodischer Sicherheitsbericht. Berlin, 2001.